

Красин Леонид Борисович

Большевики в подполье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леонид Борисович К.**
Большевики в подполье / Красин Леонид Борисович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
61 с.

ISBN 978-5-519-90896-2

ISBN 978-5-519-90896-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я родился 15 июля 1870 г. в Кургане — маленьком степном городке западной Сибири, выросшем за последние перед войной десятилетия в крупный центр сибирского маслоделия, торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами.

Детство протекло большей частью в деревне, на берегах Тобола, Ишима, Туры. Этому, а также хорошей семейной обстановке я обязан крепким здоровьем, которое помогало без большого ущерба переносить превратности последующей жизни. Семья была большая. Заработка отца едва хватало на удовлетворение ее потребностей, но это имело свою хорошую сторону, приучая с детства рассчитывать на свои силы и жить не выше того, что имеешь.

Покойные родители сумели создать исключительно здоровую и необыкновенную по тем временам обстановку, полную свободы и вместе с тем участливого, заботливого руководства, которым мы, братья и сестра, пользовались в семье, пока не начали становиться на собственные ноги. Большое значение здесь имело то, что значительная часть сибирской интеллигенции, купечества и мещан из поколения в поколение росла под идейным влиянием бесконечной вереницы политических ссыльных, которых царское правительство безжалостно гнало в глухие углы Сибири.

Детство, проведенное среди природы, на берегах могучих сибирских рек, в бесконечных лесах и травянистых степях и лутах Сибири, с ранних лет заложило во мне большое влечение к естественным наукам. Этому сильно помогло то обстоятельство, что реальное училище в Тюмени (средняя школа, которую я и мои братья окончили) было, по существу, небольшим, но прекрасно оборудованным политехникумом. В нем были обширный естественно-исторический музей, физическая и химическая лаборатории, опытные технические заводы — сухой перегонки, мыловарения, механическая мастерская. Училище это было создано и велось многие годы выдающимся знатоком Сибири И. Я. Словцовым, собравшим за свою жизнь богатейшие коллекции, образовавшие при тюменском реальном училище целый музей. Некоторые из учителей покровительствовали основанию кружков самообразования, но, в сущности говоря, все мы из средней школы вышли политически неискушенными, с устремлениями в сторону химии, технологии и других прикладных наук. Желанной мечтой многих из нас было попасть в Петербургский практический технологический институт. Оканчивая учение в реальном училище, я не составлял исключения из этого правила, и сделаться студентом-технологом мне представлялось едва ли не идеалом человеческого счастья и благополучия. Проезжавшие через Тюмень весной и осенью студенты-технологи казались мне какими-то сверхестественными существами, перед которыми открыта любая дорога. Петербургский технологический институт имел уже тогда репутацию высшего учебного заведения, высоко державшего знамя революционного студенчества. Не было ни одной крупной студенческой «истории», или, как их тогда называли, «беспорядков», в которых Петербургский технологический институт не принимал бы более или менее активного участия.

С большим душевным трепетом вступил я впервые в конце августа 1887 года в стены института, чтобы справиться в канцелярии, в порядке ли мои бумаги и буду ли я допущен к конкурсному экзамену. Было от него трепетать безумному сибирскому провинциалу: ведь при 116 вакансиях в конкурсе участвовало свыше 800 человек, и провал был более чем вероятен!

Действительно, экзамены по математике и физике не могли быть названы легкими, и оставшиеся до экзамена 2-3 недели я с моими товарищами-сверстниками посвятил самой упорной зубрежке. При этом, кроме обычных учебников, пожалуй еще более важным являлось ознакомление с различными специальными приемами отдельных экзаминаторов-самодуров, которые проваливали молодежь сотнями.

Но вот экзаменационная страда прошла, и, не веря своим глазам, мы нашли свои имена в списках 116—120 счастливцев, принятых на первый курс.

Осенью 1887 года, когда я впервые приехал в Петербург держать экзамены в Технологический институт, Петербург переживал время самой мрачной реакции. Правительство Александра III задушило «Народную волю», послав на виселицу Желябова, Перовскую¹ и их товарищей. Оно жестоко расправилось с последними остатками этой геройской организации, отправив в казематы Шлиссельбурга Веру Фигнер и ее товарищей.

8 мая 1887 года были повешены Александр Ильич Ульянов (брат Владимира Ильича), Осипанов, Андреевский, Генералов и Шевырев — кажется, последняя ак-

¹ Андрей Желябов и Софья Перовская—виднейшие деятели партии „Народной воли“—принимали непосредственное участие в террористических актах и покушениях на Александра II, который был убит 1 марта 1881 г. при их участии. Были повешены 3 апреля 1881 г. в 9 часов утра в Петербурге на Семеновском плацу вместе с Кибальчичем, Рысаковым и Михайловым.

тивная народовольческая группа, пытавшаяся бороться с самодержавием теми же методами террора, какие применяла старая «Народная воля».

Всякие попытки не только революционного сопротивления, но и какой бы то ни было оппозиционной организации подавлялись самым свирепым образом.

В учебном деле был установлен самый жестокий режим; его не избегал и Технологический институт, а в год моего поступления уничтожились последние вольности института: вводилась форма для студентов, была организована инспекция, система педелей (надзирателей) и шпионство сводили на-нет всякого рода студенческие организации и учреждения. Была чрезвычайно увеличена нагрузка студентов чертежной работой и механическими занятиями в мастерских, с явной целью доводить студентов до максимального одурения, не оставляющего в мозгах места ни для каких «вредных» мыслей.

И тем не менее революционные традиции были очень живучи, и молодежь всячески стремилась, хотя бы уйдя в подполье, сохранить возможно больше былых студенческих вольностей. И надо сказать, что технологам действительно удалось больше чем другим высшим учебным заведениям отстоять студенческие учреждения. Причина этого лежала, во-первых, в том, что институт был одним из крупнейших учебных заведений, сосредоточивая в себе значительную массу молодежи. Другие технические институты, как Горный, Лесной, Институт гражданских инженеров, Электротехнический, были сравнительно небольшими школами с сотней-другой студентов, и борьба начальства со студентами в них была сравнительно легка и проста. Другой причиной было то, что по самому роду своей работы технологи значительно больше были объединены, чем, например, студенты Университета.

Технологический институт по типу занятий значитель-

но больше напоминал фабрику и завод, чем Университет. Вот чем я объясняю значительно большую солидарность и большую способность к согласованным выступлениям, какие, несомненно, отличали в то время технологов. Тем же надо объяснить, почему технологам, несмотря на все неистовства министерства народного просвещения, удалось сохранить некоторые из своих студенческих учреждений, в то время как в других учебных заведениях, и в особенности в Университете, они были разгромлены полностью ¹.

Одним из наиболее важных учреждений этого рода была столовая технологов. Она помещалась в небольшом здании во дворе института против ворот с Забалканского проспекта, где, по всей вероятности находится и сейчас. Столовая существовала на средства, каким-то чудом отпускаявшиеся канцелярией института, и, что еще более непонятно, ее управление находилось всецело в руках самих студентов. Существовала особая комиссия по управлению столовой, избиравшаяся всеми студентами по курсам путем подачи записок.

Инспекторская нога не вступала на территорию столовой, и даже во время студенческих беспорядков инспекция, по какой-то установившейся традиции, не решалась сунуться в столовую. Лишь только в большие беспорядки 1890 года, когда в столовую была приведена группа арестованных студентов, столовая увидела в своих стенах — городских, околоточных и приставов петербургской полиции: это почиталось еще более сносным по сравнению с инспекцией. Столовая, помимо того, что многим сотням технологов позволяла избавиться от преждевременных катаров желудка, играла, несомненно,

¹ В университете все студенческие учреждения были разгромлены, главным образом, после покушения 1 марта 1881 г., участниками которого были почти исключительно студенты университета.

большую роль в деле объединения и сплочения студенчества. Прежде всего, она была местом, где ежедневно бывал почти весь институт и где можно было встретить нужного товарища или группу товарищей. Правда, никакие сходки и большие совещания в столовой обыкновенно не разрешались, так как имелось серьезное предупреждение директора института, что столовая непременно будет закрыта, если ею будут пользоваться для сходок; тем не менее, групповые совещания всегда можно было устраивать в столовой или подготавливать там собрания кружков и вне стен института. В столовой можно было вывешивать всякого рода объявления, производить сборы денег на всякие нелегальные надобности, передавать друг другу книги и брошюры и вообще обделывать все студенческие дела, не опасаясь прямо попасться на глаза инспекции. Уже и это само по себе в те трудные времена было громадным преимуществом, отличавшим технологгов от всех других студентов.

Другим учреждением, но уже нелегальным, была библиотека. Официальная библиотека института, заключавшая в себе довольно богатое собрание книг по экономическим и социальным наукам, в наше время была уже наполовину запечатана. В ней выдавались для чтения студентам исключительно только технические книги. При громадной тяге, существовавшей у студенчества к изучению экономики и социологии, к запрещенным классикам и к революционной литературе, понятно было стремление иметь свою библиотеку, которая могла бы удовлетворить это требование.

Я не знаю, кем и когда было положено основание нелегальной студенческой библиотеке, но факт то, что немедленно по открытии учебных занятий все мы, новички-студенты с левым уклоном, стремились записаться в очередь кандидатами на получение тех или иных книг, пользовавшихся в те времена наибольшей славой. Эти

большей частью запрещенные или изъятые из обращения книги (нелегальных в собственном смысле слова среди них в библиотеке почти не было) хранились небольшими партиями, по 2-3 книги, на квартире у ответственных библиотекарей-студентов. Они выдавались на руки читателям в порядке очередности, по записям в особых каталогах, которые ежедневно выкладывались в чертежных у дежурных библиотекарей. При такой системе хранения и выдачи книг вся организация получала почти неуловимый для инспекции и полиции характер, так как, в худшем случае, могли провалиться один или два студента-библиотекаря, а вместе с ними не больше полудюжины книг.

Конечно инспекция и полиция догадывались о существовании библиотеки, но они не слишком рьяно ее преследовали. Тут было, так же как и в столовой, нечто в роде молчаливого соглашения. Сами студенты избегали в этой библиотеке держать революционные издания, очевидно, с тем, чтобы не подать лишнего повода полиции и жандармам слишком придирчиво относиться к библиотеке. С другой стороны, ни инспекция, ни полиция } не решались затевать большого скандала, зная, что при сплоченности студентов все равно не удастся целиком провалить эту организацию.

Конечно, при посредстве этой полулегальной библиотеки устанавливалась хорошая связь и для распространения уже чисто революционных брошюр и прокламаций; эту работу вели кружки, которые, не имея официального касательства к столовой или библиотеке, пользовались ими в своих революционных целях.

Я в течение нескольких лет был библиотекарем, предаваясь этому делу с рвением спортсмена. Элемент спорта был тут не только в некотором риске, но в особенности в добывании редких книг. В Петербурге не было ни одной лавочки букинистов, которую я не посетил бы, и, если где-либо появлялся первый том «Капи-

тала» или другие книги, знакомые букинисты давали мне знать. Я отправлялся добывать книгу, не останавливаясь даже перед такими сверхъестественно большими, по тогдашним временам, затратами, как 10 или 15 рублей за одну книгу. При теперешнем обилии всякого рода политической литературы трудно понять то ликование, которое охватывало нашу коллегию библиотекарей, когда кому-либо из нас удавалось выудить какой-либо редкий экземпляр книги. -

Кроме этих студенческих организаций, существовали и так называемые землячества. Это были очень неопределенные объединения молодежи с зачатками таких учреждений, как кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения тех или иных наук. Внутри землячеств шла довольно сильная борьба различных течений. Остатки революционных организаций пытались использовать землячества для революционной пропаганды среди молодежи и для пополнения своих кадров. Наша небольшая группа тюменцев, усвоив почти каким-то чутьем, что ключ всего социального знания в экономике, действительно упорно принялась за изучение политической экономики. Мы выбрали политическую экономию Милля¹ с примечаниями Чернышевского² и

¹ Джон Стюарт (1806—1873) Милль—известный английский буржуазный экономист.

² Николай Гаврилович Чернышевский (1823—1889)—выдающийся писатель и экономист; был одним из вождей революционного движения 60-х годов. Революционный демократ. Перевел книгу Милля: „Основания политической экономии“, снабдив ее своими примечаниями, написал целый ряд политических, экономических и литературных произведений. Развивал взгляды на крестьянскую общину, как на зачаток социалистического общества. Его произведения, в особенности роман „Что делать“ зачитывались до дыр революционной молодежью своего времени. Царское правительство жестоко преследовало Чернышевского, и его произведения были запрещены.

Был приговорен к 14 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибирь, где прожил почти до самой смерти.

принялись за нее, можно сказать, с остервенением, вкладывая в это дело лучшие навыки по одолению других наук, вынесенные нами из училища.

Вспоминаю 1888-89 годы, когда наш небольшой кружок в 6-8 человек собирался вечерами, раза 2-3 в неделю для заслушания очередного реферата той или иной главы «Оснований политической экономии».

Реферат кончался спорами и обсуждением, неясные места книги перечитывались в подлиннике, а в конце собрания кому-либо из членов кружка поручался реферат следующей главы. Конечно, знакомство с этой книгой не давало сколько-нибудь систематического знания политической экономии, но оно дало нам здоровую закваску и помогло дальше разбираться в литературе. К концу года в различных петербургских кружках уже ходил слух о каких-то упрямых сибиряках, решивших одолеть политическую экономию.

Эти «дикие люди» возбуждали любопытство, и в 1889 году на студенческих вечеринках нам неоднократно приходилось вступать в словесные бои с другими студентами, отстаивая первостепенное значение экономики. Мы, как провинциалы, разумеется, были несравненно менее образованными и даже просто невежественными по сравнению с некоторыми представителями петербургского университетского студенчества. Помимо более систематического изучения общественных и исторических наук, многие из них знали иностранные языки и читали в подлинниках книги, русские переводы которых либо вовсе не существовали, либо были запрещены тогдашней цензурой; мы же явились из глухой Сибири, где кроме толстых журналов, не было никакой литературы.

Недостаток знаний восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами. Аудитория, состоявшая обычно из молчаливых юнцов и еще более молчаливых курсисток, не без некоторого уважения отзывалась на

выступления сибирских дикарей, и к концу 1889 года боевые качества нашего кружка считались в студенческих кругах Петербурга довольно прочно установившимися.

Разумеется, мы не ограничивались Миллем и Чернышевским: всякий уважающий себя студент в те времена считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу. Поэтому мы, поскольку это позволяли студенческие библиотеки, знакомились кое-как не только с различными запрещенными книгами Чернышевского, Лаврова и др., но изредка и с нелегальными изданиями «Народной воли» и кое-какими заграничными подпольными брошюрами. Естественные науки отошли на второй план, тем более, что казенное преподавание физики и химии в Технологическом и других институтах сильно охладило наш пыл, и для многих из нас оно превратилось в отбывание повинности в виде репетиций и экзаменов.

К весне 1889 года мы покончили с Миллем, и я получил от кружка задание — летом подготовить реферат по первой и второй главе «Капитала». Лето это мне пришлось провести в Камышловском уезде, Пермской губернии, и я действительно основательно просидел над этими двумя главами «Капитала». К осени я вернулся в Петербург с довольно толстым конспектом 1-й и 2-й глав «Капитала», превышавшим по объему во много раз самый оригинал, так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искушенных в философии сотоварищей¹. Занятия наши «Капиталом» шли несколько менее усидчиво, и, если не ошибаюсь, кружок наш прекратил работу, не одолев до конца всей книги. Мы подросли, обзавелись всякими

¹ Конспект этот попал в руки охранки при каком-то из многочисленных обысков.